

Воры

Наличие четкой цели придавало этому странствию, казавшемуся поначалу бесцельным, некую внутреннюю собранность. Теперь, когда за спиной Владыки стояли верные подданные, он мог позволить себе зайти немного дальше обычного. Даже Вирадуану казалось, что лик юного господина стал чуть более умиротворенным, чем при их первой встрече — впрочем, рыцарь не исключал, что это лишь игра его собственного воображения. Однако стоило ему на миг отвлечься на эти мысли, как острие его меча уже уперлось в горло нападавшего, в то время как подросток замер, словно погрузившись в глубокий сон, и не спешил отдавать приказы.

В то самое мгновение, поддавшись странному наваждению, Фарфадэ узрел видение. Подобно театральной постановке, перед его взором развернулась сцена: его замок, где кипела жизнь в его отсутствие, и действующие лица, вершащие суд.

Черноволосая женщина сурово спросила:

— Зачем ты похитил добро из подвала?

Обвиняемый взмолился:

— Смилуйтесь... Посудите сами, разве все мы не несчастные души, пригнанные сюда демоном, чтобы возводить его замок? Мы должны помогать друг другу, а не судить.

Собравшиеся зашептались. Кто-то неодобрительно качал головой, кто-то согласно кивал.

Седовласый старик произнес:

— Страсть к наживе — черта человеческая, но она не может служить оправданием краже! Назови свое имя. Кем ты был при жизни?

Подсудимый попытался было юлить, но слова против воли сорвались с его губ:

— Я... Йозеф. При жизни был крестьянином, землю пахал. А еще в своей деревне слыл известным проходимцем.

Старик переспросил:

— Проходимцем?

Черноволосая женщина пояснила:

— На диалекте Гоболии это означает «бездельник» или «мелкий воришка». У меня сестра замуж туда вышла, я немного знакома с их говором...

— Вот оно что, — кивнул старик. — Значит, ты и при жизни был нечист на руку. Должно быть, не впервой обкрадываешь господ.

Йозеф не сдавался:

— Ну, не скажите. Живым твердят: воровство доведет до преисподней. И вот мы здесь, все вместе. О чем это говорит? О том, что святых среди присутствующих нет. Если на земле кража — преступление, то здесь, внизу, разве это не обычное дело?

Женщина вспыхнула:

— Это наглая софистика!

Старик на мгновение задумался:

— Понимаю. Похоже, ты из тех, кто слишком буквально верит словам монахов. Раз уж не попал в рай, значит, считаешь преисподнюю местом для пиршества грешников... Однако истина очевидна всем.

Йозеф хотел возразить, но старик властно прервал его:

— Здесь, под землей, царит такой холод, что нам приходится каждый день рубить дрова, чтобы согреться. Полагаю, многие из вас считают службу демону делом не слишком почетным, не так ли? Но я верю: необходимость трудиться после смерти точно так же, как и при жизни, сама по себе является формой искупления.

Старик обвел взглядом присутствующих:

— На мой взгляд, то, что наше существование сейчас почти не отличается от земного, доказывает одно: грехи наши не так уж тяжки. Да-да, загляните в свои души!

Одни кивали, другие медлили с ответом.

— Особенно эти дети... — продолжал старик. — Разве могут они быть отягощены великим злом? Мы не праведники, но и не закоренелые грешники. Нас приговорили жить так, как мы привыкли, а значит, и земная мораль должна оставаться нашим мерилom!

Окружающие, очарованные его логикой, беспрекословно внимали каждому слову. Йозеф, чувствуя, что почва уходит из-под ног, попытался было выкрикнуть что-то о том, что противостоять демону — святое дело, но черноволосая девушка ловко заткнула ему рот комком грязи. Старик одарил её одобрительным взглядом.

Затем он позвал:

— Георг.

Кузнец отозвался:

— Да, господин. Что прикажете?

— Ты мастер металла. Давай же, разожги горн, пусть все увидят!

Мужчина притащил из кухни огромный котел и развел огонь. Холодная колодезная вода заплескалась внутри. На глазах у толпы старик велел бросить в чан всё похищенное золото и серебро. Золотые венцы, серебряные блюда — всё это под ударами тяжелой мешалки безжалостно поглощалось кипятком. Даже Георг, повидавший на своем веку немало, замер от такого зрелища. Он смотрел, как металлы, которые люди считали незыблемой основой жизни, исчезают в никуда. Кузнец в ужасе поднял взгляд — и не знал, на кого смотрит, ибо в тот миг зрачки Гвидо и Хельзе соединились со взором совсем иного существа...

Видение рассеялось. Фарфаноэрс холодно хмыкнул и спросил у того, кто приставил нож к его горлу:

— Как твое имя?

Нападавший, несмотря на меч Виладуана у шеи, дерзко ответил:

— Мое? Берегись, парень, услышишь — поджилки затрясутся!

Он оскалился и провозгласил:

— Я — Адам! Король воров!

Фарфаноэрс недоуменно моргнул:

— А? Это еще кто такой?

Он перевел взгляд на Виладуана.

— Не слышал... — честно признался рыцарь.

Адам мгновенно вышел из себя:

— Что?! Да как вы смели не слышать о моем... мм-ммм!

Виладуан, не испытывавший ни малейшей симпатии к разбойникам, без тени сомнения отвесил ему увесистого пинка. Однако в следующую секунду вор умудрился вцепиться рыцарю в ногу и попытался вскочить. Но стоило Адаму подумать, что удача на его стороне, как резкая боль обожгла его плоть, а колено Виладуана с глухим стуком врезалось ему в живот.

Рыцарь нанес еще несколько ударов, пока Фарфаноэрс не велел ему остановиться.

— Что ж, господин «Король воров», — юноша уставился на противника своими бесстрастными алыми глазами. — Ты ведь понимаешь, что уже мертв?

— Не тебе мне об этом напоминать, малец.

— Советую проявлять больше почтения.

Фарфаноэрс понизил голос.

Шорох. Едва различимый, свербящий шепот, проникающий в уши. Сначала это был лишь звук, затем пришло осознание. Жар. Лихорадочное тепло начало расползаться внутри его тела, поднимаясь к самому горлу. Накатила тошнота. Адам, забыв обо всем, забился по земле в конвульсиях. Ему казалось, что его руки облепили полчища многоножек; он отчаянно пытался стряхнуть их, но в следующее мгновение кожа была чиста. И тогда в его мозгу вспыхнула ужасающая догадка:

Многоножки уже пробрались внутрь него.

Фарфаноэрс еще в момент нападения посеял в теле вора семена чумы, но сейчас его мысли всё еще возвращались к недавнему видению.

«Надо же, управление полномочиями дает и такие возможности».

Это было полезно, хотя и имело свои границы. Если бы Гвидо не проявил находчивость, этому проходимцу вполне могло бы удаться смутить народ своими речами — никакой лжец не переспорит софиста, привыкшего жонглировать истиной.

К тому же Фарфадэ чувствовал странное возбуждение. Он потер лоб. По идее, насильственное

подглядывание за тем, что происходит вдали, должно было истощить его силы, но по мере того, как болезнь пускала корни в теле Адама, Владыка ощущал прилив бодрости, будто ему вкололи порцию адреналина. Усталость смешивалась с лихорадочным восторгом, отчего даже его голос приобрел странную, звенящую тональность.

— Ну как, сударь? — он рассмеялся, но тут же вновь стал серьезным. — Добро пожаловать в мир мертвых. Поверь, это только начало.

***

Испытывавший нужду в людях, Фарфаноэрс принял Адама на службу. Вор оказался мастером подстраиваться под обстоятельства: быстро осознав, что силой дело не решить, он предпочел примкнуть к тем, кого не мог победить. Вирадуан на протяжении всего пути не спускал с Адама глаз, но тот, вопреки ожиданиям, оказался невероятно болтлив и так и сыпал дурацкими шутками.

— Пшеница? — карие глаза вора хитро блеснули, словно он что-то вспомнил. Он коротко откашлялся и произнес: — Знаете, кажется, я видел нечто подобное...

— Где именно? — осведомился Вирадуан.

— Ну, это... — Адам указал на свое горло. Без шуток: после того, как демон проделал с ним тот фокус, боль утихла, но голос до конца так и не восстановился. — Если бы господин был столь любезен и проявил снисхождение...

— Даже не надейся, — отрезал шедший впереди Фарфаноэрс. Он с явным брезгливостью покосился на вора, недоумевая, есть ли у того хоть капля самообладания. Если бы Адам не был так назойлив, быть может, Владыка и избавил бы его от последствий болезни окончательно, но вор не умолкал, даже когда его голос превратился в хриплое карканье.

Фарфаноэрс решил игнорировать его и занялся анализом. Благодаря болтовне Адама стало ясно, что тот бродит здесь уже около полумесяца. «При жизни подох в богом забытом месте, и после смерти оказался в такой же дыре», — таков был его вердикт. В отличие от остальных, Адам обладал недюжинной изворотливостью и быстро изучил законы этого края: например, что в дождь нужно непременно искать укрытие, под черной луной лучше не высовываться, а безобидные на вид растения чаще всего ядовиты, в то время как некоторые причудливые ростки вполне съедобны — хоть от них потом и мутит долго.

По состоянию местной флоры и реакциям Адама Фарфаноэрс пытался восстановить его маршрут. Когда юноша смотрел налево, Адам явно приободрялся; стоило взглянуть вправо — и вор начинал нервничать.

«Прекрасно. Идем направо».

Адам поник. Что ж, придется искать другие способы выторговать себе милость у демона. Будь всё проклято, горло саднило так, будто он проглотил горсть лезвий.

Они спустились ниже и в конце концов вышли на открытое пространство, отделенное от густого леса. Багряные и золотые колосья колыхались в глубокой тишине. В этой долине, где никогда не гулял ветер, даже лунный свет, казалось, утратил свою текучесть; он не мог пробиться сквозь тесные объятия колосьев и замер безмолвным стражем над полем. Стоило путникам приблизиться, как пшеница начала свой танец.

— Стойте подальше, — скомандовал юноша.

Адам бросил в гущу стеблей камень. Мгновенно ленивое колыхание сменилось резким напряжением, и пшеница выстрелила острыми шипами. У каждого колоска было всего по два таких шипа, в то время как камней у людей было в избытке.

Эти зазубренные иглы, прятавшиеся среди колосьев, служили не только для защиты. Внутри полых шипов пшеницы-ежа скрывались семена. Дикие звери, ранившие шкуру об эти иглы, уносили их далеко от поля. Когда шип со временем размягчался и отпадал, семя получало шанс укорениться в новой почве.

— Они ядовиты, — предупредил Фарфаноэрс.

Он взял у Класа лоскут ткани, осторожно отломил длинный шип и извлек из него зернышко... Юноша усмехнулся и внезапно раздавил его. Оказалось, что это вовсе не зерно, а крошечное насекомое, удивительно на него похожее.

— Будьте внимательны. Не дайте пшеничному червю себя ужалить, — произнес он.

— Здешний урожай лучше собрать как можно скорее, — внезапно заметил Адам, оглядывая поле.

Вирадуан удивленно посмотрел на него, не ожидая от такого проходимца дельного замечания.

— Что вы на меня так смотрите, сударь? Думаете, я только воровать мастер? Мы, знаете ли, тоже когда-то землю пахали! — Адам присел на корточки и усмехнулся.

Он обращался на «вы» только к Фарфаноэрсу. Заметив, что Владыка не слишком вникает в тонкости этикета, Адам быстро осмелел и начал беззастенчиво «тыкать» рыцарю. Вирадуан, благодаря своему воспитанию, лишь сдержанно промолчал, не став закатывать глаза.

Отметив место на карте и провозившись еще несколько часов, путники сочли задачу выполненной.

Клас припрятал семена в своих бездонных складках. Кот издал тонкое «мяу» и наотрез отказался идти дальше, требуя, чтобы его несли на руках. Фарфаноэрс прикинул расстояние: они с Виладуаном были в пути семь дней. Будь у них лошади или иное средство передвижения, этот путь сократился бы в разы.

«Кстати, помимо земель у замка, здесь в будущем тоже можно было бы основать поселение».

Впрочем, до этого было еще далеко.

«В следующий раз надо будет привести побольше людей, чтобы собрать всю эту пшеницу».

<http://bllate.org/book/16116/1582941>